

АНАТОМИЯ ФИЛОСОФИИ: КАК РАБОТАЕТ ТЕКСТ

Цикл «Реплики»

ГУСТАВ ШПЕТ И ЛЕВ ШЕСТОВ: ДРУЗЬЯ И АНТИПОДЫ (ДВЕ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ФЕНОМЕНОЛОГИИ ЭДМУНДА ГУССЕРЛЯ)*

**Участники: Мариза Денн, Т.Г. Щедрина, Б.И. Пружинин
Организатор проекта и ведущая – Ю.В. Синеокая**

Денн Мариза – профессор университета Бордо-Монтень, Бордо. **Université Bordeaux Montaigne** Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine. 10, esplanade des Antilles, F. 33607 Pessac, France; e-mail: maryse.dennes@u-bordeaux-montaigne.fr

Пружинин Борис Исаевич – доктор философских наук, главный редактор журнала «Вопросы философии». Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 90; ведущий научный сотрудник. Институт философии РАН. 109240, Российская Федерация, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; профессор кафедры философии. Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ). Российская Федерация, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8; профессор Школы философии Факультета гуманитарных наук. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Российская Федерация, 105066, г. Москва, ул. Старая Басманная, д. 21, стр. 4; e-mail: prubor@mail.ru

Синеокая Юлия Вадимовна – доктор философских наук, профессор, заведующая сектором Истории западной философии. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

Щедрина Татьяна Геннадьевна – доктор философских наук, профессор кафедры философии Института социально-гуманитарного образования. Московский педагогический государственный университет. Российская Федерация, 119991, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1; профессор кафедры философии. Дальневосточный федеральный университет (ДВФУ). Российская Федерация, 690950, г. Владивосток, ул. Суханова, 8; редактор журнала «Вопросы философии». Российская Федерация, 117279, г. Москва, ул. Профсоюзная, д. 90; e-mail: tanpirra@yandex.ru

В центре внимания выступающих две интерпретации феноменологии Эдмунда Гуссерля: Густава Шпета и Льва Шестова. Каждый из них шел своим путем в философии, но это не мешало им дружить и делиться «несозревшими мыслями». В семейном архиве сохранились письма Шестова к Шпету, благодаря которым можно воссоздать ситуацию их общения. Письма Шпета к Шестову, по-видимому, не со-

* Продолжение дискуссии; начало опубликовано в «Философском журнале» (2016. Т. 9. № 4). Вторая часть выступления Т.Г. Щедриной и Б.И. Пружинина подготовлена при финансовой поддержке гранта РГНФ. Проект № 16-03-00704 Реконструкции как методологические приемы в контексте актуализации исторического познания: эпистемологический анализ. Reconstructions as methodological ways in the context of actualization of historical cognition: epistemological analysis.

хранились, но благодаря его письмам к Наталье Константиновне Гучковой (1912, 1914 гг.), в которых обнаруживается шпетовская особенность письма – предельно подробное описание того или иного события-разговора, – полемика между Шпетом и Шестовым преодолевает время и становится для нас реальностью. Участники встречи попытались «войти» в разговор между двумя философами, который многое проясняет в их опубликованных трудах. Центральная тема их разговора – философский скептицизм, актуальный и сегодня.

Ключевые слова: история русской философии, феноменология, скептицизм, Лев Шестов, Густав Шпет, Эдмунд Гуссерль

Т.Г. Щедрина: Шпет все-таки ответил Шестову. Он опубликовал текст в ежедневнике «Мысль и Слово» (примечательно, что один экземпляр сохранился в семейном архиве Л. Шестова) о древних скептиках, близость к которым он обнаруживал во взглядах П. Флоренского и Шестова. Он считал их именно скептиками в древнем смысле, скептиками, которым безразлична истина. Шестов, между прочим, зная о том, что Шпет готовит текст о скептиках, пишет Шпету 2 августа 1919 г. (из Киева, уже покидая Россию): «Что Вы будете делать с написанными статьями? Если напечатаете и получите оттиски – непременно пришлите. Очень интересно, что Вы о скептиках написали. Боюсь только, что не скоро напечатают: бумаги нигде нет!»¹.

А написал Шпет следующее: «Чуть ли не со времени Монтеня скептику полагается “писать хорошо”, и по возможности в форме неуравновешенной. Монтень пытался объяснить свою афористическую манеру “слабостью памяти”. Но слабость памяти по большей части ведет только к обилию “цитат”, – у Монтеня, и правда, их немало, – но почему не объяснить ту же манеру анемией мозга? Дело вовсе не в этом. Связано это может быть с душевным беспокойством скептика, или, может быть, с существом адиалектичности его мысли? Оставим гипотезы, и констатируем просто в порядке дескриптивного: афористическая форма существенно связана с внутренней растерянностью скептической души»².

Очевидно, эта характеристика применима не только к Монтеню, она применима и к Шестову. Можно предположить, что Шпет здесь критикует не только древних скептиков, но и Шестова. Теоретически со Шпетом нельзя не согласиться. Но реальная история уже тогда разворачивалась именно к той проблематике, о которой буквально кричал Шестов – к трагической перспективе, к тому, что разум способен приводить к безумию.

Б.И. Пружинин: Да. Так может быть. И в некоторые исторические периоды так уже случалось: нежелание пользоваться разумом становилось нормой социального бытия. Именно – нежелание обращаться к разуму. И было это, кстати, совсем не так давно, и, кажется, снова может случиться. И на самом-то деле я не говорю ничего нового. Если внимательно посмотреть вокруг сегодня: почитать прессу, посмотреть телевизор, послушать радио, пообщаться где-нибудь в транспорте, то можно услышать рассуждения, в которых разум просто отсутствует, т. е. совершенно все равно, есть он или нет, есть какая-то внутренняя логика в том, что говорится, или нет – убеждения меняются, хорошо, если ежедневно, бывает чаще... И это на наших глазах

¹ Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 338.

² Шпет Г.Г. Скептик и его душа // Шпет Г.Г. *Philosophia Natalis*. Избр. психолого-педагог. тр. М., 2006. С. 416.

происходит. И Шпет, и Шестов, и Гуссерль усмотрели эту тенденцию в весьма уважаемых областях интеллектуальной жизни, ощутили это. Они спорили об этом. Они чувствовали это.

Т.Г. Щедрина: Судьба Густава Густавовича Шпета сложилась трагически. 15 марта 1935 г., в ночь с 14-го на 15-е, он был арестован. Затем отправлен в ссылку в Енисейск, затем в Томск. В 1936 г. издательство «Соцэргиз» заключило с ним договор на перевод «Феноменологии духа» Гегеля, а чуть позднее расторгло договор. Но он перевел текст Гегеля полностью. Это была его последняя философская работа. Больше полусотни 12-листных тетрадок с рукописью перевода хранятся в Отделе рукописей Российской Государственной Библиотеки. Через несколько месяцев после завершения этой работы он был вторично арестован в Томске и расстрелян 16 ноября 1937 г.

7 сентября 1935 г. он писал из енисейской ссылки своему другу Любови Яковлевне Гуревич: «Я воображал, что выполняю кому-то нужную работу, – нет, не “кому-то”, а людям страны, в которой родился, воспитался и на культурном содержании которой вырос. И из-за этой работы я отказывал себе – и часто этим отказом обижал близких и дорогих мне – в том, что, может быть, есть самое ценное, – в обычном общении с теми, кто влекся ко мне и к кому мое сердце влеклось... как я мог раньше уходить от этого и даже отталкивать это во имя каких-то мнимых, воображаемых “объективностей”?»³.

Я не думаю, что если бы Шпет вернулся из ссылки, то изменил свое «видение будущего» и свой «творческий путь». Он, конечно же, вернулся бы к строгим рациональным рассуждениям, но его экзистенциальный опыт, его переживание происходящего, я думаю, вновь сблизило бы его с Шестовым.

Жизнь Шестова сложилась иначе. Он уехал и поселился во Франции. Начался другой этап его творчества, в котором тема феноменологии зазвучала вновь, но уже с другими оттенками. Теперь уже не Шпет отвечал Шестову, но Гуссерль – своему «другу и антиподу».

Б.И. Пружинин: Однако позиции в дискуссии Шестова и Гуссерля были еще более жестко обозначены. Что меня в этом споре поражало? Шестов говорил о том, что выходило за рамки конкретно-специальных профессионально-философских рассуждений. В общении с Гуссерлем у него постоянно присутствовал вопрос: кому нужны эти рациональные конструкции (и не только философские)? Разве может Разум решить смысложизненные проблемы человеческого бытия? Куда он приведет нас? Может ли знание, научное знание, что-то дать нам для понимания смысла жизни? Оно ведь призвано решать совсем другие проблемы. Конечно, у Шестова здесь явно зазвучала религиозная тема. Он постоянно к этой теме возвращался, чтобы показать, что жизненные вопросы выходят за границы рационально просчитанных решений, которые принимает человек. Ведь есть нечто, вопреки разуму случающееся, есть воля Творца, есть то, что мы можем лишь принимать, и, чтобы оставаться людьми, принимать, стремясь вопреки всему к чему-то высокому (вспомним последние годы жизни Густава Густавовича Шпета). Я сейчас перелагаю Шестова, ибо его очень трудно пересказывать. Он писал слишком живо для пересказа. Это скорее мое видение Шестова. Но именно в этом ракурсе разворачивалась его критическая аргументация в отношении Гуссерля.

Между тем Гуссерль как раз пытался выйти за рамки классической рациональности и классической науки. Методы познания, которые должны были привести к истине Декарта, Бэкона, уже не были познавательными результатами во времена Гуссерля. И он искал другой путь для познания. Он пы-

³ Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма. М., 2012. С. 199.

тался вернуться к самим вещам, к реальности, ибо наука оторвалась от мира, в котором только и может жить человек. Гуссерль ощутил отрыв науки от человеческого мира, который сегодня стал еще более болезненным. Мы все очень неясно себе представляем, как устроен телевизор, но пользуемся им. Мы не знаем, как и что делают ученые в коллайдере и что там, в этом коллайдере, происходит. Это так далеко от нас, хотя и очень даже нас касается, ибо однажды эти частицы ворвутся в нашу жизнь и изменят ее вне зависимости от наших желаний и расчетов.

Гуссерль хотел, чтобы рациональное знание, наука вернулась в наш жизненный мир. И Шпет, уточняя Гуссерля, преследовал те же цели. А спор Шестова и Гуссерля был, по сути, спором о том, возможно ли вообще такое возвращение. Что же касается происшедшего на их глазах, то они видели одно и то же. И надо признать, то же самое происходит сегодня на наших глазах, только с куда большей интенсивностью. А потому нюансы их тогдашнего спора – фактически, спора единомышленников – так важны сегодня.

Т.Г. Шедрина: Вот строки из письма Гуссерля к Шестову от 3 июля 1929 г.: «Уважаемый друг и антипод! Что Вы будете обо мне думать после того, как я ни словом не отозвался на столь дорогой для меня подарок, как Ваша новая работа “На весах Иова”, хотя кто знает, сколько времени он шел сюда!.. Вы знаете, как серьезно я воспринимаю Вашу попытку раскрыть для себя и для всех нас Божий мир, в котором действительно живут – и могут умирать, – хотя Ваш путь никогда не может стать моим путем»⁴.

Но когда пришел 1933 год, когда Гуссерль оказался в ситуации абсурда – его отстраняли от профессорства и его неарийская семья погрузилась в рационально организованное безумие Германии тех лет, – это безумие он переживает точно так же, тем же «путем», что и Шестов. А Шестов, надо признать, просто не понял близости их различных «творческих путей». Хотя Гуссерль ему писал: «Вы как будто не заметили, что принудило меня так радикально поставить вопрос о существовании нашего знания и пересмотреть господствующие теории познания... Если усилиями нашего разума не будут преодолены возникшие во мне сомнения, если мы обречены по-прежнему только более или менее тщательно замазывать трещины и щели, открывающиеся нам каждый раз в наших гносеологических построениях, то в один прекрасный день все наше познание рухнет, и мы очутимся пред развалинами былого величия»⁵.

Эти строки Гуссерля Лев Исаакович воспроизвел в последней работе «Памяти великого философа». И тем не менее он пишет там же: «Абсолютизируя истину, Гуссерль этим самым релятивизировал бытие, точнее, человеческую жизнь»⁶. И в этой шестовской претензии к Гуссерлю есть своя правда, хотя, повторю, далеко не вся.

Б.И. Пружинин: То что Гуссерль упустил в своих рассуждениях и построениях, Шпет и Шестов заметили с разных сторон. И вот здесь я нарушу, так сказать, регламент нашего разговора и позволю себе сформулировать нашу с Татьяной Геннадьевной сугубо субъективную позицию. Есть тема в русской философии совершенно особая. Это тема общения. Понимание феномена общения как самоценности, а не как коммуникации, не как контакта с целью передачи информации, не как способа манипулирования кем-то с помощью транслируемой информации. Эта тема началась не с Шестова.

⁴ Письма Эдмунда Гуссерля к Льву Шестову // Логос. 1996. № 7. С. 141.

⁵ Шестов Л.И. Памяти великого философа (Эдмунд Гуссерль) // Вopr. философии. 1989. № 1. С. 145.

⁶ Там же. С. 154.

Это тема П. Юркевича и Вл. Соловьева, и уже у них она была связана с характерной для философии формой общения – с разговором, с тем что мы здесь пытаемся делать. При этом истолкование общения как высшей культурной ценности очень многое меняет в понимании философской тематики. В частности, на наш взгляд, именно благодаря такому пониманию феноменологии Гуссерля через призму общения Шпет выявил то, что первоначально упустил из виду Гуссерль и за что Гуссерль его высоко ценил – «социальность» по Шпету. И «психологическое» по Шестову.

Ю.В. Синеокая: Спасибо огромное за такой эмоциональный, очень насыщенный фактами разговор. Теперь по традиции мы переходим к вопросам и репликам из зала.

Вопрос 1: Спасибо. Действительно, было очень интересно. Я хотела задать вопрос. Борис Исаевич, Вы сказали, что сейчас вообще не употребляется слово «истина». А что же тогда находят в познании, если не истину? И к какому выводу привели все эти философские споры? Уже сколько времени прошло с 1930-х гг.

Б.И. Пружинин: Сначала насчет истины. Сегодня уже большая часть современной науки носит прикладной характер, и, соответственно, результаты таким образом ориентированного научного исследования оцениваются по их практической эффективности. Истинность результата особого значения в этом плане не имеет. Например, в результате экспериментальных разработок удалось получить пластик, обладающий заданными свойствами. Заказчик прекращает финансирование исследования. Поиск фундаментальных законов природы, в силу которых создание данного вещества оказывается возможным, в принципе производителя не волнует. Более того, методы получения данного вещества патентуются, и, чтобы продолжить исследование, патент надо купить (я уж не говорю о секретных результатах военных исследований). Знание становится товаром. Коммуникации научного сообщества теряют открытость и превращаются в рынок. При чем здесь истина, к которой стремились когда-то ученые? Успех приложения определяет перспективу исследования. Наука превратилась в гигантский социальный институт с финансовыми потоками, с системой карательных органов, если угодно. А поиски внутренней рационально-структурированной системы знания, прирост знания – все это сегодня уходит на второй план, так как требует особого финансирования. Поэтому ученые «создают» зачастую не знание, а информацию. Современная эпистемология пытается, конечно, понять, что происходит, предупредить о последствиях и противопоставить сегодняшним трендам возможность иного пути. Например, программа русской философии: соединить в знании сердце и разум, чтобы они были едины. Хотя мало кто хочет ее услышать.

Т.Г. Щедрина: Я бы хотела добавить следующее. Когда Шпет ставил вопросы Гуссерлю, то он как раз и формулировал ключевое положение, которое сегодня становится краеугольным камнем для гуманитарных наук. Историю, говорил он, очень трудно оценивать на истинность потому, что событие не повторяется. И в этом случае на передний план выходит словесная реальность, с которой можно работать гуманитарно-научными средствами. Этой проблеме была посвящена ключевая работа Г.Г. Шпета, над которой работает сейчас Мариза Денн. Это «Эстетические фрагменты». Здесь Шпет говорит именно о проблеме выражения знания. Как знание выражается? Почему важна интерпретация? Этот поворот эпистемологической проблематики к проблеме «слова как знака сообщения» имеет значение не только для гуманитарного познания.

Сегодня очень многие методологи говорят: если интерпретация становится главным методологическим приемом, то, значит, все дозволено, все возможно, существуют разные интерпретации. Одной истины нет, бывают только интерпретации. Но я могу сказать по своему опыту, как философ, который работает с архивными текстами, что если мы закрываем систему и понимаем контекст выражения, то поиск истины оправдан. Можно доказать истинность расшифровок сложных рукописей. Здесь и Гуссерль, и Шпет со мной бы согласились. Хотя, конечно же, сложно, очень сложно понять, а тем более принять эту программу развития науки.

Мариза Дени: Да, «Эстетические фрагменты» – это продолжение той проблематики, которую он начал излагать и анализировать уже в «Явлении и смысле». Это своего рода промежуточный этап между «Явлением и смыслом» и «Внутренней формой слова». Мы постепенно переводим «Эстетические фрагменты» со студентами университета Мишеля Монтеня (Бордо) уже несколько лет. Это очень сложная работа. Вот я вам сейчас расскажу анекдот. В Париже было собрание философов, маленький семинар, и среди славистов был один лингвист, который очень заинтересовался Шпетом. Он даже приезжал ко мне, чтобы побеседовать, попытаться понять его идеи. Он заинтересовался «Внутренней формой слова», не читая других текстов Шпета. Он сразу хотел погрузиться именно в эту работу. И во время этого семинара он нам прямо заявил: «Я как лингвист не могу этого понять». Мне кажется, действительно в «Эстетических фрагментах» есть какие-то ключи, которые помогают постепенно войти в текст «Внутренней формы слова». И потом, это очень показательный факт, что, как сказала Татьяна Геннадьевна, есть *одна* истина, есть *одна* линия истолкования всех произведений Густава Шпета. Это не значит, что он повторяет то же самое. Мысль его обогащается каждый раз в каждом новом произведении. Я думаю, именно этим он нам близок. Он – современный философ, да.

Ю.В. Синеокая: А на кого из французских современных философов Шпет оказал существенное влияние? Как я понимаю, он достаточно популярен сегодня во Франции?

Т.Г. Щедрина: Это сложный вопрос, учитывая, что научные контакты Шпета с зарубежными философами были прерваны уже в начале 20-х гг. Но если расширить контекст этого вопроса с учетом темы нашего разговора, то сразу возникает второй вопрос: а как Шестов повлиял на современных философов? Конечно, это Ж. Батай, Б. Шлётцер, Б. Фондан и многие другие. Появляются новейшие работы, где раскрывается его влияние на постмодернизм. Все это будет выражено в посвященной Шестову книге, которую я готовлю сейчас в серии «Философия России первой половины XX в.». Что касается Шпета, то его работы так или иначе проникали в 1920-е гг. в мир структурализма потому, что его ученица Аполлинария Соловьева была в свое время студенткой известного швейцарского лингвиста Шарля Балли. И она пересказывала работы Шпета на французском языке для Балли. Ее письма-пересказы сохранились в архивах Женеви. Два письма я опубликовала. Последняя находка из архива Шпета – это визитная карточка другого швейцарского лингвиста Альбера Сешэ (он и Балли опубликовали известный «Курс...») Ф. де Сосюра), на которой написана по-французски благодарность за присылку книги Шпета «Внутренняя форма слова». Датирована она 1927 г. Я думаю, что так или иначе и Густав Шпет, и Лев Шестов, и другие русские философы повлияли на современную мировую философию. Хотя, надо признать, у нас сегодня много скептиков (не в античном, а в современном смысле этого слова), которые негативистически относятся к русской философии. Мне кажется, что это непродуктивная позиция.

Б.И. Пружинин: Добавлю к этой же теме несколько слов. Помимо всего прочего, мы с Татьяной Геннадьевной действительно делаем серию «Философия России первой половины XX в.». И в ней сейчас готовятся два тома, прямо относящиеся к вопросу Юлии Вадимовны. Во-первых, том, который Наталья Сергеевна Автономова делает, – о Романе Якобсоне. Здесь с влиянием все понятно. Во-вторых, готовится том о А. Койре, А. Кожеве и И. Берлине. Эти три мыслителя безусловно повлияли на европейскую мысль. И хотя они в раннем возрасте уехали из России, тем не менее все они считали, что значительная часть их идей связана с русской культурой.

Ю.В. Синеокая: У нас есть еще один вопрос.

Вопрос 2: Известно ли о позиции Густава Шпета в поддержке каких-то политических течений? В 1905, в 1917 г. – поддерживал ли он кого-то или это все стороной прошло? И за что его сослали? Спасибо.

Т.Г. Щедрина: Насколько позволяют судить архивы, Шпета арестовывали в 1898 г. и он был сослан на полгода в Херсон за участие в студенческом движении. Киевские студенты поддержали студентов Санкт-Петербурга. Когда я работала в киевских архивах, то там я просмотрела описание этой ситуации – это февраль 1898 г. Три студента пошли к ректору и попросили его спуститься к студентам, собравшимся в аудитории и отказавшимся заниматься в знак солидарности со студентами других городов. Они срывали занятия, кричали и т. д. За это они и еще двадцать один студент были исключены из университета. Я эти материалы опубликовала во втором томе сочинений Г. Шпета (в примечаниях⁷). Но после того, как ссылка состоялась, он долгое время добивался, чтобы его восстановили в университете. И в 1901 г. он был восстановлен на историко-филологический факультет. Здесь он увлекся философией и в 1903 г. сделал доклад о социальном идеализме. Доклад этот был посвящен критике социально-философских взглядов Штаммлера, Кистяковского и Бердяева. Этот доклад я опубликовала в седьмом томе сочинений Шпета «Философская критика: отзывы, рецензии, обзоры». Этот доклад показывает, что он уже тогда начал критиковать марксизм за схоластическую гносеологию. Это очень интересно, особенно для современного понимания марксизма.

При этом Шпет не бросил заниматься политической деятельностью. В 1905 г. он и его соратники подготовили листовку: мы, студенты-философы, так же поддерживаем студентов Санкт-Петербурга и выступаем против царизма. Как вспоминает в одном из писем этого периода его первая жена Мария Александровна Крестовская (наст. фамилия Крестовоздвиженская): «В среду на студенческом вечере товарищи потребовали от него речи. Он ведь очень хорошо говорил всегда. Он встал и говорил – призывая всех к вооруженной борьбе за свободу. Его там же хотели схватить – но отстояли, отбили студенты. Полиция за ним гналась – но его спрятали. Теперь он не захотел больше прятаться – простился и ушел – чтобы не попасть в руки полиции, не “пачкаться” – пошел прямым путем» (Семейный архив Шпета)⁸.

Впоследствии, уже в 1907 г., Е.Н. Трубецкой приглашал Шпета присоединиться к Партии мирного обновления, на что Шпет ответил отказом. Его политическое кредо можно выразить от его лица следующим образом: моя философская позиция есть дело общественное. Моя жизненная задача – быть профессиональным философом. И моя политическая позиция – профессио-

⁷ См.: Щедрина Т.Г. Комментарии // Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие. М., 2005. С. 509–512.

⁸ Благодарю Елену Владимировну Пастернак за предоставление этого письма из семейного архива Г. Шпета.

нально заниматься философским делом. Потому что когда ты занимаешься политикой, ты перестаешь заниматься своим философским делом, и философия как часть культуры остается лежать во зле.

Между прочим, это убеждение Шпета легло в основу его резкой оценки творческого пути Вл. Соловьева (что, кстати, обстоятельно рассматривается в статье Бориса Межуева). Шпет не мог простить Вл. Соловьеву, что тот «проплутал мимо философии», ничего не успел сделать, а когда спохватился, время было упущено. Вместе с тем я допускаю, что в социально-политических симпатиях Шпет склонялся к анархизму. Он дружил с анархистами (с Алексеем Боровым). Сохранились их письма, есть характеристика Шпета, данная Боровым (она содержится в архиве РГАЛИ). Этим занимается, насколько я знаю, Петр Рябов. Но я думаю, что самое главное (то, чего нам сегодня не хватает), это именно профессиональная позиция в философии, а не ее политизирование и идеологизирование.

Что касается послеоктябрьского периода, то арестовывали его в 1920-е гг. на три дня. Затем его арестовали в 1935 г. за участие в контрреволюционной деятельности. Сегодня очень разные есть предположения о поводе для ареста – возможно, его участие в редактировании немецкого словаря. В 1937 г. он был снова арестован (уже в Томске) и опять же по обвинению в контрреволюционной деятельности. Все это имеет какой-то подтекст, который нам предстоит еще прояснить.

Б.И. Пружинин: Я думаю, что в этой жуткой атмосфере сработало прежде всего то обстоятельство, что Шпет сотрудничал с издательством «Academia». Между прочим, «Записки Пиквикского клуба» – это во многом его редакторская работа. И первое издание собрания сочинений В. Шекспира тоже связано с его именем. А возглавлял издательство Л.Б. Каменев. Почти всех, кто работал с ним в то время, репрессировали. Однако, надо заметить, профессиональная честность Шпета с самого начала раздражала большевиков.

Т.Г. Щедрина: Да, еще в 1922 г. он был отстранен от преподавания в Московском университете. Потом отстранен от директорства Института научной философии. Он был одним из главных редакторов собрания сочинений Шекспира, издал первый том буквально за неделю до ареста. Я это публиковала как раз в десятом томе «Густав Шпет и шекспировский круг». Он все время искал и находил применение своему знанию девятнадцати языков. Это была колоссальная фигура, сопоставимая с европейскими мыслителями. Мы сегодня еще до конца не осознали, что мы потеряли, вычеркнув из культуры Шпета, Степуна, Гессена, Шестова, Флоренского и других. Пришло время собирать камни. Если мы не знаем своих корней и своей истории философии – мы совершаем преступление, на мой взгляд.

Ю.В. Синеокая: Спасибо. Я думаю, что у нас есть время для последнего вопроса, и мы будем завершать. Есть ли у нас еще вопрос? Если нет, тогда я позволю себе задать вопрос. Как обстоит дело с Обществом Густава Шпета? Например, Шестовское общество существует с прошлого века, с середины прошлого века практически.

Т.Г. Щедрина: Дело в том, что это Общество было образовано, по сути, в 1989 г. на Первых шпетовских чтениях, которые прошли в Томске. При участии общества «Мемориал» были открыты архивы НКВД, обнаружили среди других и «дело» Шпета, потом они нашли родственников Шпета. Марина Густавовна поехала туда. Было принято решение проводить Шпетовские чтения. Я уже позже включилась в эту работу. И я думаю, что это Общество (как сообщество шпетоведов) существует. Томичи провели уже Шестые шпетовские

чтения. Очень многое для развития шпетовских идей и популяризации его наследия сделала Мариза Денн. В 2008 г. она провела конференцию, на которой присутствовали исследователи-шпетоведы из семнадцати стран. По всему миру Шпет звучит сейчас. Шестовым действительно занимаются основательно, и сделано много. Состоялись выставки, посвященные его 150-летию, в Париже, Москве, Санкт-Петербурге, Киеве. Надо продолжать работать.

Мариза Денн: Да, надо продолжать. К сожалению, среди славистов мало тех, кто занимается именно философией. Шестов жил во Франции, и, конечно, его знают те, кто занимается немножко русской культурой и русской литературой и философией. Что касается Шпета, то тут другая проблема. Я думаю, надо еще очень много работать и особенно над переводами.

Т.Г. Щедрина: Мне кажется, что в контексте нашего разговора важно отметить актуальность эпистемологической позиции, которая представлена в книге Н.С. Автономовой «Познание и перевод»: перевод как основная методологическая операция для гуманитарных наук, позволяющая переводить не только с языка на язык, но и из культуры в культуру. Эта мысль необходима нам сегодня и для историко-философской работы.

Ю.В. Синеокая: Полагаю, что мы будем завершать нашу увлекательную встречу. Спасибо большое.

Список литературы

Шестов Л.И. Памяти великого философа (Эдмунд Гуссерль) // *Вопр. философии.* 1989. № 1. С. 144–160.

Шпет Г.Г. Скептик и его душа // *Шпет Г.Г. Philosophia Natalis. Избранные психолого-педагогические труды* / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2006. С. 366–416.

Густав Шпет: жизнь в письмах. Эпистолярное наследие / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2005. 720 с.

Густав Шпет: Философ в культуре. Документы и письма / Отв. ред.-сост. Т.Г. Щедрина. М.: РОССПЭН, 2012. 676 с.

Письма Эдмунда Гуссерля к Льву Шестову / Публ. В.А. Куренного // *Логос.* 1996. № 7. С. 141–144.

Gustav Shpet and Lev Shestov: two friends and antipodes (the two interpretations of Edmund Husserl's phenomenology)

Maryse Dennes

Université Bordeaux Montaigne Maison des Sciences de l'Homme d'Aquitaine, 10, esplanade des Antilles, F. 33607 Pessac, France; e-mail: maryse.dennes@u-bordeaux-montaigne.fr

Boris Pruzhinin

Journal *Voprosy Filosofii.* 90 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117279, Russian Federation; Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharynaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; Far Eastern Federal University (FEFU). 8 Sukhanova Str., Vladivostok, 690950, Russian Federation; National Research University Higher School of Economics. 21/4 Staraya Basmannaya Str., Moscow, 105066, Russian Federation; e-mail: prubor@mail.ru

Julia Sineokaya

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharynaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: sineokaya@iph.ras.ru

Tatiana Shchedrina

Moscow Pedagogical State University. 1/1 Malaya Pirogovskaya Str., Moscow, 119991, Russian Federation; Far Eastern Federal University (FEFU). 8 Sukhanova Str., Vladivostok, 690950, Russian Federation; Journal *Voprosy Filosofii*. 90 Profsoyuznaya Str., Moscow, 117279, Russian Federation; e-mail: tannirra@yandex.ru

The discussion panel is concerned with the two interpretations of Husserl's phenomenology given, respectively, by Gustav Shpet and Lev Shestov. Despite having little in common as philosophers, the two remained close friends and kept exchanging what they called their 'unmatured thoughts'. Shpet family archive has preserved several letters from Shestov which help recreate the context of their conversations. Apparently no letters remain from Shpet to Shestov, but there are Shpet's letters to N. K. Gutchkova (1912, 1914) which amply display his distinctive writing manner full of unusually detailed references to some of the more important points in discussions held elsewhere, and thus present us with a very important evidence of the partly lost polemic. Participants in the panel attempt to enter the imaginary dialogue between the two thinkers and show that in this way much of what is difficult to understand in their published work finds a better explanation. The central topic in this dialogue is philosophical scepticism, no less important today than in their time.

Keywords: history of Russian philosophy, phenomenology, scepticism, Lev Shestov, Gustav Shpet, Edmund Husserl

References

Kurennoj, V. (ed.) "Pis'ma Edmunda Gusserlya k L'vu Shestovu" [Letters of Edmund Husserl to Lev Shestov], *Logos*, 1996, No. 7, pp. 141–144. (In Russian)

Shestov, L. "Pamyati velikogo filosafo (Edmund Gusserl)" [In memory of a great philosopher: Edmund Husserl], *Voprosy filosofii*, 1989, No. 1, pp. 144–160. (In Russian)

Shchedrina, T. (ed.) *Gustav Shpet: Filosof v kul'ture. Dokumenty i pis'ma*. [Gustav Shpet: Philosopher in culture. Documents and letters]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2012, 676 pp. (In Russian)

Shchedrina, T. (ed.) *Gustav Shpet: zhizn' v pis'makh. Epistol'yarnoe nasledie*. [Gustav Shpet: Life in letters. Epistolary heritage]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2005. 720 pp. (In Russian)

Shpet, G. "Skeptik i yego dusha" [Skeptic and his soul], in: G. Shpet, *Philosophia Natalis. Izbrannyye psikhologo-pedagogicheskiye trudy* [Philosophia Natalis. Selected psychological-pedagogical works]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2006, pp. 366–416. (In Russian)